Джим и Айрин

Брюс Стерлинг

SHOUT
SHARE
IT

- Джим и Айрин
  -

Джим и Айрин

Джим извлекает дневник из кармана куртки, садится, скрестив ноги, дневник – на сморщенной коже ковбойского ботинка. Наклоняется, пишет:

> «3 февраля. Сижу в загаженной прачечной в Лос-Аламосе, Нью-Мексико.
>
> Лечение виски определенно не дает результата. Возможно, нужно купить виски получше, импортное?»

Прочищает нос влажным «клинексом».

– Мистер, – произносит женский голос.

Джим вздрагивает, смотрит вверх из-под козырька бейсбольной кепки.

Худая женщина, далеко за тридцать, когда-то коричневые седеющие волосы, короткая стрижка обрамляет тонкое, обветренное, много повидавшее лицо. На ней мальчиковая куртка, вытертые джинсы, кроссовки поверх теплых фланелевых носков.

Глаза острые и злые, два осколка холодного голубого стекла. От них трудно отвести взгляд.

Джим убирает «клинекс», закладывает карандаш за ухо:

– Мэм, чем могу быть полезен?

Она показывает на разменный автомат:

– Мистер, машину разбили. Если есть, мне нужны монеты.

– Конечно. – Джим встает, пытается изобразить дружескую улыбку. Женщина отступает чуть назад, руки в карманах куртки сжимаются в кулаки. Немного испугана. Кто знает, чего нынче можно ожидать от незнакомца.

Они одни в прачечной. Еще есть стайка подростков, загипнотизированных «Пэкменом» в углу – но их можно не считать. Дети там слишком долго и стали невидимы. К тому же они мексиканцы. Или индейцы. Или что-то в этом роде.

Джим роется в куртке и вытаскивает кожаный мешочек. Внутри – десять долларов четвертаками:

– Я именно тот, кто Вам нужен, мэм.

Женщина долго ищет в большой сумке. Джим понимает, что она иностранка.

У нее сильный, неприятный акцент – но в первую очередь ее выдает то, как она обращается с американскими деньгами. Она аккуратно распрямляет три долларовые бумажки. Как будто это портреты человека в парике.

Джим дает ей двенадцать четвертаков и смотрит, как она старательно и грустно пересчитывает их. «Хорошие кроссовки», – говорит он, чтобы что-нибудь сказать. Она бросает на него взгляд, как на буйного сумасшедшего, затем смотрит вниз – не на свои кроссовки, а на его ковбойские ботинки, как будто он предлагает ей купить их. Похоже, они ей не нравятся. Она кивает, уходит за ряд молчащих машин горчичного цвета. Перекладывает капающую одежду в сушилку.

Джим снова садится, поднимает дневник. У него сложные чувства к дневнику – он думал, что тот поможет ему, позволит что-то сохранить, чтобы потом восстановить и найти свое место. Но все это как-то высохло в бесконечной череде шоссе, остановок, гамбургеров и мотелей. Ему нечего себе сказать.

Джим приподнимает очки в золотой оправе и сильно нажимает на болящую переносицу. Забитые пазухи поскрипывают внутри, как ржавый гвоздь, выдираемый из старой балки.

В углу желтый «Пэкмен» издает очень похожий звук, протестующее взвизгивание – синие копы наконец поймали его. Джим хорошо знает этот звук. Джим был превосходным игроком, он вложил тысячи четвертаков в автоматы во всевозможных забегаловках. Фокус в том, чтобы определить маршруты копов и не быть слишком жадным, собирать только те точки, которые нужны для того, чтобы перейти на следующий уровень.

Две его стиральные машины закончили полоскание. Он перебрасывает светлое и темное в пару сушилок, рядом с машинами женщины. Похоже, у нее не слишком много одежды. Он замечает, что она сидит в углу, читает оставленную кем-то газету.

Новость дня – телевизор какого-то калифорнийца, показывающий загадочные образы. Большая нечеткая фотография – что-то, похожее на ангела или призрака. Или надутый мешок для мусора. Женщина изучает статью, не замечая Джима. Ее губы шевелятся в борьбе с английским языком.

Джим отправляется обратно в пластиковое кресло, чувствует себя больным и слабым, стены прачечной как будто падают на него. Надо осесть где-то, говорит он себе. Купить ингалятор, и вдыхать горячий пар, и смотреть видео в тихом спокойном мотеле. Может быть, попринимать женьшень, или витамин С, или еще что-нибудь, пока не выздоровеет.

Но у него нет денег на неделю в мотеле. Сначала придется сделать несколько остановок – он сильно потратился, покупая бесполезные игрушки себе на Рождество. Сейчас они ему ничем не могут помочь – ни электромассажер ступней, ни цифровой генератор белого шума, ни штопор с газоанализатором.

Так что придется делать остановки – или воспользоваться кредиткой – но у него появилось к ней параноидальное чувство.

«У меня появилось параноидальное чувство к кредитке – пишет он в дневнике, грызет карандаш, думает. – Каждый раз, когда используешь этот пластик... это не настоящие деньги. Как будто ты покупаешь вещи по удостоверению личности. Поэтому часто просят удостоверение личности, когда расплачиваешься кредиткой. Сегодня удостоверение личности – это все. Раньше деньги были золотом или серебром, или еще чем-то осязаемым. Пластиковые деньги – это просто способ сказать людям, кто ты есть, как тебя найти. Где ты. Как тебя достать».

Он решил не записывать это – из страха, что, когда он позже это прочитает – решит, что сходил с ума.

Джим засовывает дневник обратно в куртку, поглубже усаживается в пластиковое кресло, натягивает кепку пониже и наблюдает, как крутится одежда в машинах. Возвышенная тоска этого процесса поглощает, его как двойная доза «никвилла» – «Восстанавливающего Сна, Так Нужного Вашему Телу». Стеклянная стена, за ней – движущиеся цветные пятна. Очень похоже на телевидение.

Проходят двое парней, игравших в «Пэкмен». Пыльные теннисные тапочки ступают бесшумно. Похоже, что эти ребята могут пить «никвилл» для развлечения. Грязные черные волосы свисают во все стороны, толстые серые дырявые свитера. Джим смотрит на них из-под козырька кепки, глаза прищурены, мозг почти отключился.

Парни тихо открывают дверь сушилки и перекладывают вещи в грязные бакалейные сумки.

Джим впадает во вневременную апатию.

Внезапно женщина вскрикивает и вскакивает на ноги. Парни уносятся, дверцы сушилок качаются на петлях.

Парни стремятся наружу – пробегают мимо Джима, выскакивают за дверь они уже на улице.

Они забрали его одежду – доходит наконец до Джима. Его, и женщины. Они просто вынули одежду из сушилок и засунули в бакалейные пакеты. Джим неуверенно встает на ноги, в голове шумит. Женщина пытается гнаться за ними, лицо ее искажено яростью и каким-то незнакомым, болезненным отчаянием.

Джим бежит за ней.

Распахивает стеклянную дверь, выбегает к слабому зимнему солнцу. Дети несутся по тротуару, из сумок падают носки. Джим кашляет. Пешком он их не догонит. Он распахивает дверь своего фургончика, запрыгивает внутрь, зовет женщину – «Эй!», включает зажигание. Женщина быстро соображает, запрыгивает

на пассажирское сиденье.

Джим врубает заднюю, затем первую и с ревом устремляется в погоню.

Парни опередили их на полквартала, неуклюже бегут вдоль витрины магазина.

Джим нагоняет их, мотор ревет, мозг медленно, неохотно оживает. Сзади, за сварочным аппаратом, у него лежит дубинка. Еще у него есть коротконосый револьвер 38 калибра в правом ботинке. При минимальном везении парни сообразят, что дело плохо, бросят сумки и разбегутся. Он не хочет неприятностей.

Парни увидели надвигающийся фургон, глаза от ужаса расширились. Они свернули на стоянку магазина подержанных автомобилей. Из сумок посыпались майки Джима и плотное, теплое белье женщины.

Женщина роется в сумочке, кричит:

– Они обокрали нас!

– Точно. – Джим сконцентрировался на управлении. Женщина рывками опустила затемненное окно. Они набирают скорость, сокращают расстояние, маневрируют на стоянке. Джим влетает в промежуток между двумя рядами старых «тойот».

Женщина нащупала в сумочке пистолет. Высовывает руку в окно.

Джим услышал грохот выстрела до того, как понял, что она делает. Она быстро выпускает три пули вслед детям – огромные, звонкие шары звука. Стекло дальней «тойоты» как будто покрывается снегом.

Джим бьет по тормозам, фургон заносит. Женщина ударяется головой о ветровое стекло, поворачивается к нему, глаза ее наполнены яростью.

– Черт тебя побери! – кричит Джим, в ужасе глядя на детей. Те в панике прижались друг к другу, пригнулись – но все еще держат сумки. Слава Богу, она промахнулась. Через секунду парни уносятся со стоянки и исчезают за холмом. – Ты могла их убить! – кричит Джим.

Она уставилась на него, убирает руку из окна. Джим только сейчас по-настоящему испугался. Никелированный ствол ее пистолета длинный, как рука. Магнум -357. Пушка.

Джим врубает задний ход:

– Надо убираться отсюда. Копы слышали выстрелы. Полиция.

– Но мои вещи!

– Забудь о них. Они пропали.

Фургон поворачивает на улицу. Джим проезжает желтый сигнал, направляется на восток. Кожаная накладка на руль под потными руками.

Женщина хмурится, потирает шишку на лбу, смотрит на свои руки, как будто боится увидеть на них кровь.

– В прачечной еще остались мои вещи, – произносит она сухо. – Мы возвращаемся, -Колеблется, обдумывает. – Мы вызовем полицию и сообщим о преступлении.

– Полиция не поможет нам. Послушайте, уберите эту штуку. Леди, она действует мне на нервы.

– Я не «леди», я миссис Бейлис.

Джим почувствовал момент, когда она решила не направлять пистолет на него. Такая возможность приходила ей в голову, он видел, как она пробежала по ее лицу.

Она не глядя запихивает магнум в сумочку, откидывается в кресле, подавленная. Растирает запястье правой руки – у магнума сильная отдача.

Смотрит в окно.

– Мы не возвращаемся в прачечную. Куда вы везете меня, мистер?

– Я не мистер. Я – Джим.

Она закрывает сумочку.

– Джим, да? Тогда называй меня Ирина.

– Хорошо, Адина, – Джим пытается улыбнуться.

– Ирина.

– А, Айрин. Понял. Прошу прощения. – Джим улыбается, как ему кажется – успокаивающе. – Послушай, Айрина, нам лучше некоторое время держаться подальше от этой прачечной. Там будет полиция, к тому же ты прострелила одну из этих старых тачек. У тебя есть лицензия на этот пистолет?

– Лицензия? Официальная бумага, разрешение на оружие? Джим, это Америка.

– Правда? – Джим встряхивает головой. – А ты откуда? С Плутона?

– Я из Советского Союза. Из города Магнитогорска.

– Ты – русская? Ничего себе. Никогда не видел русских раньше.

Джим сбавил скорость, пристроился за мебельным фургоном. Он чувствует себя не то чтобы лучше – но спокойнее, более уверенно. Снова на дороге, руки на кожаном руле. В движении, где ничто не может достать его.

Заработала печка, погнала сухой горячий воздух к его ногам. Проснулось любопытство.

– Что с тобой произошло? Как ты дошла до жизни такой?

– Мой муж и я – эмигранты. Диссиденты. Муж – образованный, талантливый инженер! Интеллигенция! Я сама – юрист.

Джим вздрагивает. Она говорит все быстрее, ее английский превращается в кучу согласных. Джим вытаскивает еще один «клинекс» из приклеенной к панели коробке. Звучно сморкается:

– Прошу прощения.

– Они украдут всю нашу одежду, которая осталась в прачечной, если мы туда не вернемся.

Джим прочистил горло:

– Кто-нибудь мог заметить фургон. Вот что я вам скажу: я могу высадить вас здесь, вы ловите такси и возвращаетесь – если хотите.

Она как будто сжалась:

– Джим, у меня нет денег.

– Даже на такси?

– На следующей неделе придет чек, из Общества Помощи Еврейским Эмигрантам. Это немного. Мне все они нужны, – минутное молчание – у меня нет работы.

– А ваш старик? – Непонимающий взгляд. – Муж?

– Муж мертв.

– О Господи. Мои соболезнования.

Судя по ее одежде, только адидасовские кроссовки отделяли миссис Айрин Бейлис от нищенки. Без работы, вдова, иностранка. С хромированным магнумом в сумочке и весьма странным отношением к миру.

– Послушай, – Джим импровизирует, – я правда не хочу туда сейчас возвращаться. Это небезопасно. Давай лучше я куплю чего-нибудь поесть, мы немного подождем, все обсудим. Айрин, ты голодна?

Ее глаза загораются, как бутылочки «Викс»:

– Ты купишь нам еду?

– Конечно. С радостью. Добро пожаловать в Америку…

Айрин молча кивает. Никаких признаков благодарности. Возможно, задета ее гордость.

Он видит, как Айрин смотрит прямо вперед, через затемненное ветровое стекло. Ее странное лицо становится мягким и отстраненным, как будто она женщина-космонавт, наблюдающая за проносящимися под иллюминатором безымянными пейзажами. Типичный американский пригород, построенный для проносящихся машин, один из миллионов похожих друг на друга.

– Твой магнум стоит хороших денег, – говорит Джим.

Озадаченный взгляд.

– Джим, ты торгуешь оружием?

– Что? – Второй раз она думает, что он хочет ей что-то продать. Возможно, это к лучшему: проговорить все относительно

этого пистолета. На всякий случай. – Да, у меня есть пистолет. Я много путешествую, понимаешь? Мне нужен пистолет, для самозащиты.

Она смотрит ему в глаза:

– Тогда почему ты их не пристрелил?

Джим отводит взгляд:

– Полиция посадила бы нас в тюрьму, понимаешь? Нельзя стрелять в детей только из-за того, что они украли твои шмотки. Может быть, можно пригрозить – но не стрелять на самом деле.

– Это не «дети». Это настоящие бандиты. Грязные, страшные. Некультурные.

Джим промокнул текущий нос:

– Может, они никарагуанцы.

Он заметил впереди Jack-in-the-Box. Притормаживает, обменивается словами с решеткой переговорного устройства. Три однодолларовых бумажки, которые дала ему Айрин, переходят к клерку, еще кучка мелочи. Они уезжают с чизбургером, двумя пакетиками картошки и парой тако.

Айрин грызет первое тако. Джим видит, что она голодна – но она обращается с хрустящей глазурью, как с китайским фарфором.

– У тебя много монет?

– Да?

– Ты ограбил машину в прачечной, – внезапно заявляет она, глядит ему в лицо. – Ты выгреб все монеты. Ты вор, да?

– Что?! Слушай, я даже не живу там. Я в этой прачечной впервые в жизни.

– Когда я туда приходила в последний раз, машина была в полном порядке. Ты ограбил ее, Джим. Ты украл монеты.

– Черт! – Джим чувствует пот под курткой. – Послушай, я не связываюсь с таким дерьмом. Если ты думаешь, что я – вандал, можешь уматывать прямо сейчас.

– Я могу заявить в полицию, – говорит Айрин, пристально глядя ему в лицо. – Хулиган, в синем фургоне. Шеви. – У нее получается «чииви».

– О черт! И приспичило мне тебя пожалеть. Я собирался купить тебе новую одежду, еще что-нибудь. – Он зло взмахивает головой, показывая подбородком назад. – Видишь все это? Сварочный аппарат, дрели? Придурок, который взломал эту машину, просто вскрыл ее ломом. Я профессиональный механик, я работаю тонко, понимаешь? Я мог бы разобрать эту штуку, как ты разделываешь курицу, – Джим сделал паузу, – если бы захотел, конечно.

Он резко поворачивает за угол, и полотняный мешок, почти заполненный четвертаками, опрокидывается с веселым звоном. Джим хватает очередную салфетку, громко сморкается, чтобы отвлечь ее. Поздно.

Айрин не реагирует на звон, методично грызет второе тако. Две минуты многозначительного молчания, нарушаемого похрустыванием и шорохом картошки в пакетике.

Потом она откидывается в кресле со слабым вздохом животного удовлетворения, аккуратно вытирает рот салфеткой из пакета.

– Куда мы едем? – спрашивает она наконец, вглядываясь в дорогу отяжелевшими глазами.

У Джима тоже было время подумать о сложившейся ситуации.

– Тебя это правда интересует?

– Нет, – после секундного раздумья. – Совсем нет. Мне абсолютно все равно.

– Хорошо. Тогда мы выезжаем из города по шоссе 30 и направляемся в Эль-Пасо.

Айрин смеется.

– Ты думаешь, мне не все равно? Лос-Аламос. Я ненавижу Лос-Аламос. Нам не следовало туда приезжать. Никогда. Теперь у меня нет ничего, совсем ничего – ни одежды, ни денег. Я должна за квартиру, два месяца!

Джим чешет лоб под бейсболкой.

– А что эти еврейские ребята? Ты говорила, они присылают тебе деньги.

– Я не еврейка. Мой муж был евреем. Не какой-нибудь некультурный еврей из штетля, а нормальный парень, выглядел как русский, очень образованный, прекрасный инженер.

– Да, ты это уже говорила. Ты что, думаешь, я нацист? Это Америка, и я ничего не имею против евреев.

– Ты христианин?

– Я никто.

– На телевидении полно христиан. Все время говорят о деньгах.

– Тут ничем не могу помочь. Сам ненавижу этих уродов.

Разговор оживляет Джима. Ситуация дикая – но ему это нравится, по крайней мере, пока она не выкинула что-нибудь.

– Послушай, Айрин, ты мне ничего не должна. Я могу отвезти тебя обратно. Только не зови полицию, ладно?

– Нет, я ненавижу Лос-Аламос. Мой муж умер там.

– О Господи. Ты серьезно? Ты в самом деле не собираешься возвращаться?

– У меня ничего не осталось. Ничего, кроме плохих воспоминаний, – она нервно приглаживает волосы. – Джим, почему ты так боишься полиции? Они знают, что ты грабишь прачечные?

– Я не трогаю эти чертовы прачечные. Я занимаюсь телефонами, понимаешь? Телефонами!

Его признание не впечатляет ее и, похоже, не сильно удивляет.

– В Америке много телефонов. Ты, наверное, богач?

– Мне хватает.

Она заглядывает ему через плечо:

– У тебя большая машина. Много инструментов. И спальный мешок. Как неплохая квартира, много квадратных метров!

Джим чувствует себя слегка польщенным:

– Да, я прикидывал – получается около 70 штук в год. Минус, конечно, бензин, мотели, еда... Я посылаю деньги своему старику, он в доме престарелых. С 1980 года. Думаю, через меня прошло около полумиллиона.

– Получается, ты – полу-миллионер!

– Я не сохранил их.

Вокруг ровная, пустынная местность, шестой час. Шоссе 30 слегка загружено пригородным транспортом.

– Ты говорила, ты была юристом? Почему же теперь ты нищая?

– В Америке мало толку от советского юридического образования.

– Да, я не подумал об этом.

Она показывает на эксоновскую заправку:

– Джим, там есть телефон. Взломай его. Я хочу видеть это.

– Я не ломаю эти чертовы телефоны! Я не порчу их, понимаешь? Телефоны нужны людям!

Джим смотрит на указатель топлива – и правда, пора заправляться.

Останавливается около колонки самообслуживания, идет к кассе. «Неэтилированного на десятку». Возвращается к фургону, вставляет шланг.

Айрин выходит, голова накрыта дешевым шарфиком, лежавшим раньше в сумочке.

– Давай, сделай это!

– Послушай, – говорит он ей – слова ничего не стоят, так? То, что я говорил о телефонах – это не доказательство. Но если ты увидишь, как я открою этот телефон, у тебя могут быть неприятности.

– Скажи мне правду, ты можешь это сделать или нет?

Джим качается на носках ковбойских ботинок, думает.

– Ты не боишься, да?

– Ты боишься. Потому что я могу донести в полицию, да? Ты мне не веришь. – Она показывает руками, как будто читает лекцию. – Если я была свидетелем преступления и не донесла полиции – я соучастница. Преступница, как и ты. Мы одинаково виноваты, так?

– Не совсем так, но в общем – да, думаю, я тебя понял.

– Ты и я – мы вместе будем преступниками. Так нам будет безопасней.

– Да, безопасней друг от друга. – Джиму нравится такой подход, в нем есть что-то правильное. – А тебе не приходило в голову, что нас-таки могут поймать?

– А если поймают – что нам будет?

– Не знаю. – Джим открывает заднюю дверь фургона. – Я всегда думал, что смогу выторговать условный приговор, если расскажу, как я это делаю.

– А они не знают?

– Нет, – говорит Джим с тихой гордостью. – Я изобрел этот способ. Только я его знаю. – Он тянется за запасное колесо и вытаскивает кожаный футляр.

– Только ты? – Айрин привстает на цыпочки, смотрит ему через плечо.

– Несколько лет работал над этим. На телефоны ставят серьезные замки, хитрые и прочные. Даже с кувалдой и ломом меньше чем за полчаса трудно управиться. А у меня в мастерской было несколько выброшенных телефонов, я на них тренировался. И однажды – озарило.

Джим расстегивает молнию на футляре и вытаскивает Штуковину. Проверяет, как она работает – все в порядке.

– Ну что ж, вперед!

Они вместе подходят к телефонной будке, Джим входит внутрь, расстегивает куртку так, что полы ее прикрывают аппарат, снимает трубку, зажимает ее между ухом и плечом – чтоб не вызывать подозрений. Нащупывает замочную скважину, вставляет Штуковину.

Она входит медленно, шаг за шагом, на пленке моторного масла. Джим ведет ее с полузакрытыми глазами, ищет тот самый, особенный щелчок. Находит поводок и сдвигает его.

На секунду ему показалось, что ничего не получилось – бывало, что Штуковина не срабатывала, и он так и не разобрался, почему – но дверца аппарата распахнулась, открыв аккуратные ряды монет. Джим вытащил свежий пластиковый пакет, подставил, дернул рычаг. Водопад четвертаков.

Монеты издают совершенно невпечатляющий, мусорный звон. Чертовы рейгановские четвертаки. Он не видел ни слова об этом в газетах – но администрация снова деноминировала деньги. Когда Линдон Джонсон ввел дешевые алюминиевые четвертаки, был страшный шум – а теперь в стране такой бардак, что никто и не замечает. Четвертаки звенят, как кастрюльный металл, никакого серебряного звона. Их можно легко ломать плоскогубцами.

Джим закрывает дверцу аппарата, выходит из будки. Айрин смотрит широко раскрытыми глазами.

– Ты гений! Замечательное изобретение!

Они идут к фургону.

– Хорошо, что это не новый карточный аппарат, – говорит Джим. – Если AT&T дать волю – не будет ничего, кроме этих проклятых карточек.

Джим вынимает шланг из бензобака, возвращает его в колонку. Они залезают внутрь и выезжают на дорогу. Джим сует ей пакет:

– Это твое.

Айрин берет пакет, прикидывает его вес:

– Ты цыган. Они так же делают с рублями – цыгане, армяне с черного рынка. Они всегда швыряют деньги. Как воду. – Она засовывает пакет в сумочку.

– Черный рынок... Ты там, в СССР, была связана с этими людьми?

– Джим, мы все покупали на черном рынке. Абсолютно все. Даже большие шишки – дочь Брежнева... Ее приятель Борис – он был цыганом, занимался контрабандой бриллиантов, картин – всего, что угодно. – Казалось, что Айрин смешно. Какой-то русский черный юмор, как будто она соскользнула в сточную канаву и была этому рада – по крайней мере понимала, где она находится. – Я знала, что когда-нибудь встречу янки-цыгана. Гангстер американской мафии!

– Я – один. Цыгане и мафия – у них семьи, таборы.

– Меня сегодня ограбили, а теперь я с гангстером.

– Ты это говоришь, как будто тебя это радует.

– Я нашла что-то настоящее. Наконец-то – настоящая Америка.

– Айрин, это – пустыня.

Айрин смотрит в окно:

– Да.

– Нью-Мексико – это не только пустыня. Тебе надо побывать в Калифорнии. Или в Орегоне.

– Америка – вся, как пустыня, Джим. Не во что упереться.

Когда тебе не во что упереться, не чувствуешь давления – это как будто вообще ничего нет. Ты можешь кричать и говорить все, абсолютно все – и никто даже не настучит. Это… как будто нет воздуха. Как в космосе.

– Какая вообще жизнь там, в России? Действительно так сильно отличается?

Айрин отвечает спокойным, ровным голосом:

– Джим, там в сотни раз хуже, чем американцы могут себе представить.

– Я был во Вьетнаме. Я много чего повидал.

– Вы все здесь – невинные дети. Младенцы. Америка против России – как испорченный ребенок в нарядном костюмчике против старого бандита с дубиной.

Голос ее становится сдавленным.

– Ты их так сильно ненавидишь?

– Они ненавидят вас. В один прекрасный день они раздавят вас, если смогут. Они ненавидят все свободное, все, что не принадлежит им.

– А как же Горбачев? С которым они подписывали договор? По TV говорят, что он – другой.

– Не может быть. Если бы он был другим – он никогда не стал бы начальником.

– Может, он всех обманул? А они были слишком тупы, чтобы заметить?

Айрин коротко смеется.

– Но ты же обманула их? – настаивает Джим. – Ты же вырвалась!

– Да, мы вырвались. А что хорошего? Мой муж мертв. Он хотел сражаться за свободу, помочь американцам оставаться свободными. Поэтому мы отправились в Лос-Аламос.

– Да? Почему?

– Звездные Войны. Космический щит.

Джим заходится нервным смехом:

– Айрин, только не говори, что ты веришь в эту чушь! Ей-Богу, эта хреновина не взлетит и через тысячу лет.

– Американцы были на Луне! Американцы могут изобрести все!

Ранние зимние сумерки скрыли горизонт. Джим включает фары.

– Похоже, что вы не угадали, да?

– Разработчики «Звездных Войн» не верили моему мужу. Они думали, что он марксист, прислан шпионить, как Клаус Фукс. Ему не дали никакой работы, вообще никакой! Он был готов подметать, убирать – все, что угодно. Он был идеалистом.

– Тогда он пошел не в ту контору. «Звездные Войны» – это просто способ для правительства перебросить наши деньги в Bell Labs, TRW, General Dynamics – всей этой шайке толстомордых с сигарами.

– Русские боятся Космического Щита. Они знают, что это сделает их дурацкие ракеты бесполезными.

– Послушай, я служил в американской армии. Я чинил такие вещи, понимаешь? Вертолеты с восьмидесятидолларовыми болтами, которые любой кретин может купить на углу за десять центов – все это просто перевод денег.

– Америка – богатая и свободная, – протестует Айрин. – Вьетнам – концентрационный лагерь!

– Мда? Тогда как получилось, что нам там надавали по заднице?

– Крестьянам промыли мозги марксистской ложью.

Джим вытирает нос.

– Знаешь, Айрин, с тобой не очень легко общаться.

– Мне это говорили и раньше, в Магнитогорске. Правда горька, да?

– Попробуй – узнаешь, – бормочет Джим.

Она не реагирует. Миля за милей проходят в тишине, но не в напряженной тишине а в спокойном, почти уютном молчании.

Ему это нравится. Нравится, что в соседнем кресле сидит сбежавшая русская вдова со странностями. Она как-то попадает в его настроение. Все события складываются во что-то, напоминающее авантюру.

Ему нравится, что она молчит после того, как все сказала. Он сам не любитель трепаться. Прошло немало времени с тех пор, как он действительно говорил с кем-нибудь. Случайные попутчики – но и они нынче стали другими.

Нет больше улыбающихся хипов, угощающих косячком случайных друзей. Теперь почти все, кого он подбирал – бедняги, ищущие работу, с усталыми голодными глазами и грустной историей, длинной, как шоссе.

Постепенно темнеет, мир теряет грани, сворачивается в конусы света от фар. Джим чувствует уют. Он любит ехать ночью, в белой блестящей воронке.

Это его место, здесь мир легко проплывает мимо под монотонное шуршание шин.

Он любит быстро ездить по темным дорогам. Никогда не видно далеко вперед, но каким-то чудом впереди всегда оказывается шоссе. Для Джима всегда было чудом то, что ночная лента асфальта никогда не кончается внезапно – и все, как когда кончается кассета. Дорога никогда его не подводила.

Джим протягивает руку, вставляет в магнитофон первую попавшуюся кассету. «Sweethearts of the Rodeo». Джим видел их однажды по Country Music Television, в отеле в Таксоне. Это сестры. Пара очень симпатичных девиц.

За последние месяцы он прокрутил эту кассету не меньше пары сотен раз, и теперь он не слышал музыку – но она как бы окружала его, как дым.

– У тебя есть джаз?

– Что? Например?

– Дюк Эллингтон. Дэйв Брубек. Брубек – великий артист.

– Я могу слушать почти все. Однако джаза нет. Можно купить где-нибудь, в Эль-Пасо.

– Я не могу разобрать, что эти женщины поют.

– Айрин, это не надо понимать. Просто впитывай их.

Они проезжают ровный, пыльный городок под названием Эспаньола. Неоновые вывески над закусочными и заправками. Джим нашел поворот на 76 шоссе на юг.

– Я думаю, мы заночуем в Санта-Фе. Тебя это устраивает?

– Согласна.

– Знаешь там дешевые отели?

– Нет. Я никогда не была там.

– Почему? Это же недалеко.

Она пожимает плечами:

– Я никогда много не путешествовала. В Советском Союзе с внутренним паспортом много проблем. И у меня никогда не было машины, и я не умею водить.

– Не умеешь водить? – Джим барабанит пальцами по рулю. – А чем ты занимаешься?

– Читаю книги. Солженицын, Пастернак, Аксенов, Исаак Бабель...

– Звучит угрожающе.

– Я много узнала про советскую ложь, которой нас пичкали всю жизнь. Не так просто узнавать правду. Я сидела и думала, пыталась понять. На это уходит много времени.

– Да, у тебя такой вид. – Джим чувствует к ней острую жалость. Сидит в убогой квартире, читает книги. – У тебя есть тут друзья? Родственники?

Айрин качает головой:

– Нет, Джим, нет друзей. А у тебя?

Джим заерзал в кресле, откинулся:

– Ну, я же путешествую...

– Джим, у тебя одинокое лицо.

– Наверное, мне пора побриться.

– У тебя есть жена, дети?

– Нет. Не люблю быть привязанным. Я люблю свободу. Перемещаться, смотреть вокруг…

Айрин вглядывается через стекло в летящие световые конусы.

– Да, – произносит наконец. – Очень красиво.

Они останавливаются размяться в национальном парке к северу от Санта-Фе. Джим вдруг начал беспокоиться о том, что кто-то мог сообщить в полицию о стрельбе; возможно, кто-то запомнил номер фургона. Он открывает потайной ящичек в задней панели, просит Айрин вынуть новые номерные знаки.

Айрин выбирает колорадские номера, которые Джим снял в свое время с грузовика в Боулдере. Разумеется, он изменил номер – перебил восьмерки на нули, потрескавшиеся места подкрасил краской из набора авиамоделистов.

Все запасные номера были переделаны. У Джима в запасе их было всегда не меньше десятка. Он достиг мастерства в такой переделке, сделал из нее своего рода искусство. Помогает от скуки.

Джим электрической отверткой отвинчивает старые номера, вешает новые.

Он работает на ощупь, Айрин караулит. Джим ломает старые номера пополам и засовывает в придорожную урну.

Холодный ночной воздух стекает с невидимых гор, пробирается через одежду Джима, сверлит его виски. Джим забирается на водительское кресло, кашляет, трет нос и чувствует себя почти мертвым.

Он останавливается у первого же мотеля – Best Western в пригороде Санта-Фе. Это двухэтажное сооружение рядом с шоссе, с освещенной вывеской и гудроновыми площадками.

Портье выглядит успокаивающе сонным и скучающим. У Джима мало бумажных денег, и он решается использовать пластик. Фальшивое имя, фальшивое калифорнийское удостоверение личности – но люди из Visa пока не вычислили его. Почту Джим получает на адрес своего отца в доме престарелых. Каждый месяц он посылает старику немного наличных.

Джим расписывается, берет медный ключ на большом желтом брелке. Айрин подходит к сигаретному автомату в холле, внимательно и осторожно отсчитывает четвертаки и дергает ручку. В ее взгляде ожидание чуда, как у игрока в Лас-Вегасе. Выскакивает пачка «Мальборо» в целлофане. Айрин забирает ее с тихой улыбкой.

Джим чувствует ее восторг, несмотря на боль в верхушках легких. Айрин радуется всему, как ребенок. Жаль, что у него мало наличных – приятно было бы сунуть ей в руки хрустящую

пятидесятидолларовую бумажку.

Джим загоняет фургон на стоянку, мимо «датсунов» и «хонд», мимо дверей, залитых желтым холодным светом.

Он находит комнату 1411 – за металлической лестницей. Отпирает дверь, включает свет. Две кровати. Хорошо.

– Господи, как мне хреново... Ты пойдешь в ванную? Я собираюсь в горячий душ.

Айрин присаживается на одну из кроватей, рассматривает пачку сигарет:

– Что?

– Все в порядке? Хочешь кока-колы? Мы можем заказать еду.

Она кивает:

– Все хорошо, Джим.

В ее взгляде ясно читается, что не все хорошо. Когда она прыгнула в фургон, ей не пришло в голову – как, впрочем, и ему – что в конце концов они будут спать вместе.

Джим думает, что надо бы присесть рядом и все это с ней обсудить. Но он устал, ему плохо, и ему никогда не удавались Большие Серьезные Разговоры с женщинами. Он был уверен, что, стоит начать Большой Серьезный Разговор, и конца этому не будет.

Джим запирается в ванной, открывает скрипучий кран. Жесткая, металлическая вода из глубоких пустынных скважин, как гвозди...

Джим лежит в потрескавшейся ванне, осторожно смачивает измученный, пересохший нос, думает о ней. Думает о том, чего она хочет на самом деле, хочет ли она чего-нибудь, какое отношение это все имеет к нему. Что она делает там, в комнате... Возможные варианты: a) она звонит в полицию, b) она испугалась и убежала, c) ждет его с пистолетом наизготовку, или даже d) лежит обнаженная в кровати под простыней, натянутой до подбородка и с ожидающим выражением лица. Наверное, d) – худший вариант. Он не готов к d), это слишком серьезный шаг... уже засыпая, он понимает, что уже забыл, что было под a) и b)...

Джим совершает нечеловеческое усилие, вылезает из ванны, кожа горит, в голове шум. Вытирается, влезает в несвежие джинсы и майку. Открывает дверь.

Айрин сидит в единственном кресле, около лампы и читает гидеоновскую Библию. В комнате холод – она не включила термостат. Возможно, не знала как.

Джим включает его на максимальную температуру, дрожа, влезает в одну из кроватей.

Айрин смотрит на него поверх Библии:

– Джим, ты очень болен?

– Да. Извини, так получилось.

Она закрывает Библию, заложив страницу пальцем:

– Я могу тебе помочь?

– Нет. Спасибо. Мне просто надо немного поспать. – Он натягивает одеяло, но дрожь все не проходит. Смотрит на нее слезящимися глазами, пытается заставить себя думать. – Ты, наверное, голодна? Знаешь, как заказать пиццу?

Айрин показывает ему пакетик крекеров.

– Да, – говорит Джим, – это тоже вкусно.

– Я давно хотела прочитать эту книгу!, – говорит Айрин, в голосе ее удовлетворение. Она открывает пакетик с крекерами и углубляется в Библию.

Джим просыпается в сухом, перегретом воздухе, встает, выключает термостат. Айрин садится в кровати, еще не полностью проснувшаяся, испуганная и потерянная. Видно, что она уснула с мокрыми после душа волосами.

– Привет, – хрипит Джим и идет в ванную.

Он пытается прокашляться, чистит зубы, собирает волосы в конский хвост.

Бреется.

Когда он выходит, Айрин уже одета и причесывается перед зеркалом.

Одежда на ней та же, что и вчера – другой нет.

Между ними ничего не решилось, но страха стало меньше – в конце концов, они успешно провели ночь, более-менее вместе – и обошлось без насилия и перестрелок.

– Ты как?, – спрашивает Джим.

– Спасибо, все хорошо.

– Отлично. Сегодня мы отправляемся в Санта-Фе, по дороге возьмем еще денег.

Они завтракают в пончиковой, делают три остановки у телефонов. Джим предпочитает телефоны у шоссе – так легче сматываться.

Оказывается, он уже вскрывал эти телефоны раньше – Штуковина оставляет почти незаметные характерные царапинки. По виду этим царапинкам не меньше трех лет.

Джим останавливается у пригородного отделения банка и отправляет туда Айрин со звенящей сумкой. Возвращается она с четырьмя двадцатками и победной улыбкой.

– Отлично, – говорит он ей, дает ей одну бумажку и прячет остальные три в кошелек. – Они задавали вопросы?

– Нет.

– Обычно так и бывает. Испугалась?

– Нет. – Она извлекает из сумки гидеоновскую Библию. –

Джим, я украла ее.

– Ты украла гидеоновскую Библию?!

– Да. Как цыганка.

– Да... В следующий раз ты срежешь этикетки с матрасов.

Она задумалась над его словами:

– Хорошо, Джим.

Это должно было быть смешным, но ему почему-то стало очень грустно.

После обеда они обработали еще три телефона. Больше, чем обычно – но двоим и нужно больше. В придорожном магазинчике Джим купил им новые джинсы, рубашки и носки.

У кассы он вдруг замечает дешевую соломенную ковбойскую шляпу и покупает ее. Надевает ее на голову Айрин. Она все равно выглядит дикой и почти отчаявшейся – но теперь очень по-американски, времен Великой Депрессии.

Может быть, она и страшна – но Джима это не очень волнует. Он знает, что настоящие женщины не похожи на девочек из телевизора.

Да и сам он выглядит страшновато. Бывают дни, когда он смотрит на себя в зеркало и думает – что же случилось? Тогда он выглядит загнанным и испуганным неудачником с глубокими морщинами вокруг глаз. Любому копу и служащему мотеля по всей Америке сразу должно быть ясно – жулик. В такие дни он просто не выходит из фургончика, прячется за тонированными стеклами – и едет.

Вечером они выезжают из Санта-Фе по шоссе 25 на Юг. Горы сменяются равнинами. Около десяти вечера они подъезжают к Альбукерку, останавливаются в маленьком мотеле. Заведение пятидесятых годов под названием Sagebrush.

Тридцать лет назад оно обслуживало огромные грузовики и сияющие хромом универсалы. Теперь вокруг мотеля разросся город, вместо огромных грузовиков используются самолеты – и теперь здесь грустные женатые пьяницы обманывают друг друга. Резные рамы ковбойских картин покрылись пылью.

Джим чувствует себя немного лучше, не таким разбитым и усталым – и он приносит из фургончика свои игрушки. Видеомагнитофон с коробкой кассет, «макинтош» с модемом и жестким диском. Включает подавитель помех в розетку около одной из кроватей.

Айрин садится на край матраса, вглядывается в телевизор.

– Когда мы в ГУЛАГе наматывали портянки – не беспокоились о помехах.

– Да уж... Сейчас я уберу эту чушь с экрана. Поразвлекаемся. – Джим подключает кабель к телевизору,

включает видеомагнитофон. На экране шипение серого снега. – Видела такую штуку?

– Конечно. Видео, – она произносит это слово как «виииди-о», – я знаю, как им пользоваться.

– А как насчет «макинтоша»? Видела когда-нибудь такое?

– Мой муж был инженером, он знал все про компьютеры.

– Это хорошо.

– Он проводил расчеты на большом государственном компьютере.

– Серьезный был человек, – грустно говорит Джим. Открывает коробку с видеокассетами, вынимает одну. – Смотрела «Every Which Way But Loose»? Очень люблю его.

Айрин заглядывает в коробку, вытаскивает наугад кассету, разглядывает коробку.

– Это же порно! – Роняет кассету, как будто та обожгла ей пальцы. – Я не смотрю порно!

– О Господи, расслабься, ладно? Никто тебе и не предлагает.

Айрин перебирает кассеты, на лице – отвращение.

– Эй, это мое, личное. Не бери в голову, – говорит Джим.

Она вскакивает с кровати, тонкие руки дрожат. Джим видит на ее лице настоящий ужас. Он не понимает, что с ней происходит – она чертовски тяжело воспринимает безобидные мелочи.

Они молча смотрят друг на друга.

Наконец из нее вырывается поток слов:

– Джим, ты очень болен? У тебя СПИД?

– Да какого черта?! У меня простуда, понимаешь? Простуда! Нет у меня никакого СПИДа! Кто я, по-твоему?

– У тебя нет друзей, – Айрин говорит с подозрением, – ты живешь один, всегда бежишь, прячешься...

– Ну и? Это мое дело! А где твои друзья? Наверное, ты и Товарищ Муж были очень популярны там, в Магнетвилле? Поэтому ты здесь, разве не так?

Она смотрит на него широко распахнутыми глазами.

Эмоциональная вспышка уходит, оставляя Джиму усталость и злость – на себя больше, чем на нее.

– Ладно, – говорит он, встряхиваясь. – Сядь, хорошо? Ты меня нервируешь.

Айрин опирается о стену с обоями в цветочек, обхватывает свои плечи. Тяжело смотрит в пол.

– Послушай, – говорит Джим, – если у тебя ко мне такое параноидальное отношение, давай расстанемся. У тебя теперь хватит денег на автобус. Возвращайся в Лос-Аламос.

Айрин тяжело вздыхает, теперь она выглядит измученной.

Собирает силы, ровно произносит:

– Джим, я тебе не позволю.

– Не позволишь – что?

Она собралась. Решительный взгляд – пути назад нет.

– На самом деле ты хочешь этого, да? Именно поэтому я здесь. Ты хочешь, чтобы я тебе позволила, – она видит, что он не понимает, – позволила тебе сделать это, – от напряжения ее голос хрипнет, – мужчина и женщина.

– А. Это. Я понял. – Джим моргает, обдумывает сказанное и снова впадает в бешенство. – Да?! А кто тебя, черт побери, просит?

– Ты попросишь, – уверенно отвечает Айрин. – Женщины разбираются в таких вещах.

– Да? Что ж, может быть, я попрошу, а может быть, и нет. Но сейчас – я не попрошу. По крайней мере не сейчас, когда у меня этот чертов насморк. – Он пинает ковер носком каблука. От всего этого начинает болеть шея. – Послушай, мне не 18 лет. Я не пытаюсь раздевать всех женщин подряд.

Она приглаживает волосы, как-то по-утиному двигает головой:

– Хорошо, я воровка. Я цыганка. Но, Джим, я не шлюха!

– Если бы мне нужна была шлюха – я бы ее и снял. Зачем мне возить с собой шлюху?

– Тогда – в чем дело? Если ты не хочешь, чтобы я позволила тебе – зачем ты взял меня с собой?

– Черт. – Джим удивлен сам себе. – Мне стало жаль тебя. Я просто подумал, что тебе нужно быть свободной. Свободной, как я.

Она смотрит на него.

– Это так странно?

– Да.

– Правда?

– Да.

– Ну, может быть. Не знаю.

Айрин роется в своей куртке, зажигает «Мальборо» спичкой из мотельного коробка. Руки у нее побледнели. Похоже, она уже не так боится его, не то чтобы верит ему – но наблюдает.

Джим разводит руками:

– Я уже перестал понимать, что странно, а что нет. Все было так давно... Оценки других для меня мало что значили.

– Я все равно не понимаю – зачем?

– Я не думал о том – зачем. Просто сделал так.

Это мало что проясняет. Айрин прищуривается и выпускает дым. Он пробует еще раз:

– Я думаю – мы не очень похожи. Но в чем-то у нас много общего. Больше, чем у большинства людей. Нормальных людей.

Она кивает. Кажется, начинает понимать.

– Мы беглецы.

– Ну нет – тогда уж – свободные существа! У беглецов нет радостей в жизни. Посмотри на все эти игрушки! Сейчас я тебе покажу кое-что.

Джим отворачивается от нее и запускает «макинтош». Когда он начинает мышкой переносить пиктограммки, Айрин заглядывает ему через плечо.

Он вкладывает трубку мотельного телефона в акустический соединитель, «Мак» пропискивает цифры, соединяется с электронной доской объявлений.

Пробегает через входные меню, экраны растворяются, улетают – как электронный «клинекс».

– Что это? – спрашивает Айрин.

– Хакеры. Телефонные пираты.

– Кто они?

– Люди, которые воруют у телефонных компаний. Коды для междугородних переговоров и так далее.

– Но это же не люди. Это только слова на телевизоре.

Джим смеется, растирает нос.

– Не будь такой деревенщиной. У этих ребят целый свой мир.

– Это компьютеры, не люди.

– На самом деле все еще запутанней, – в голосе Джима появляется неуверенность. – Сейчас это не умные ребятки-хакеры, это уличные парни, настоящие бандиты. Я видел их, они ошиваются в больших аэропортах. Ты даешь им пятерку, они заходят в телефонную будку и могут соединить тебя с Гонконгом, Лондоном... С Москвой, если хочешь – с чем угодно.

Айрин смотрит непонимающим взглядом.

– Это все новые телефонные компании, – говорит он. – Sprint, MCI. Теперь все действительно превратилось в хаос.

– Хаос? Что значит «хаос»?

– Хаос... – Джим остановился, задумался. Что такое, на самом деле, хаос? – Чертовски странное слово, если над ним подумать. Почти философское.– Хаос – это когда все перемешано, запутано, сложно. И – гм непредсказуемо. Наверное, это слово означает то, что мы не можем понять. Возможно – никогда не сможем понять.

– Как «непонятное»?

– Да.

Джим смотрит на анонимные сообщения, проползающие по экрану.

Предупреждения, секреты, жаргон.

– Знаешь, когда я только начинал – все было очень просто. Была просто Телефонная Компания. Ма Bell. Куча больших шишек. Им принадлежали провода по всей стране, от побережья до побережья, у них были тысячи сотрудников, миллионы и миллиарды долларов. Но потом они захотели влезть в компьютеры. Новая, динамичная индустрия, все такое. Но для этого им пришлось лишиться монополии на телефонную связь. И они это сделали! Они отдали всю свою централизованную систему, всю свою власть. Я до сих пор не понимаю – почему они так поступили. Так что теперь все по-другому. Нет больше Большой Телефонной Компании с ее мордастым представителем, нет наверное, нет этого духа. И осталась просто компания, пытающаяся заработать немного денег.

Он не знает, понимает ли она его – но, кажется, она поняла тон его голоса.

– Джим, и ты этим расстроен?

– Расстроен? – Он подумал над этим. – Пожалуй, нет. Просто я теперь мало что понимаю. Теперь это не Я против Них – понимаешь, маленький парень, бросающий вызов самым жирным котам... Я, наверное, ненавидел их. Но даже когда они были большими, и плохими, и неуязвимыми – я понимал что-то. Они были жирными котами, а я был Робин Гудом. Но теперь я – никто. Эти телефонные хакеры, серьезные программисты, сидят ночами, грызут печенье и взламывают коды... некоторые из них – дети.

– Америка, – говорит она. – Странная страна.

– Возможно, мы это изобрели. Но когда-нибудь так будет везде.

Она смотрит в экран, как будто это тоннель.

– Горбачев много говорит о компьютерах в своей пропаганде. Очень много.

– Высокие технологии, черт их дери. На самом деле они вокруг нас, везде. – Джим улыбается ей. – Хочешь соединиться с доской объявлений? Выберешь себе забавное прозвище.

– Нет.

Она гасит сигарету, зевает.

– Джим, все эти машины на моей кровати...

– Ну тогда надо их оттуда убрать.

Он разъединяет связь и выключает «Макинтош».

Рано утром она трясет его за плечо.

– Джим, Джим! – Она испугана, ее лицо совсем рядом с ним.

Он садится.

– Полиция? – Бросает взгляд на часы: 6:58.

– Телевизор. – Она показывает на него – он тихо шипит в углу, на экране белая статика. Джим хватает очки, цепляет их за

уши.

Комната вплывает в фокус. Видеомагнитофон все еще подключен к телевизору, на полу рядом с его пультом – пепельница, набитая окурками «Мальборо».

Джим косится на это:

– Ты сожгла видеомагнитофон?

Внезапно он замечает на полу пушистые комки смятой и спутанной видеопленки. Вспоминает, что во сне он слышал какой-то треск и шорох.

– Какого черта? – кричит он. – Ты смяла мои пленки? Восемь, нет, десять! Как ты могла?

– Посмотри на телевизор. Посмотри на него.

Он смотрит:

– Статика.

Вылезает в трусах из кровати, натягивает джинсы. Злость поглощает его.

– Я понял. Мои порнофильмы. Просто не могу поверить, ты уничтожила их, ты сознательно уничтожила мои вещи! – голос его становится громче. – Корова! Тупая сука! Ты испортила мои вещи!

– Никто не должен смотреть такое.

– Я понял, – говорит он, застегивая джинсы, – ты смотрела их, да? Пока я спал – ты встала, чтобы посмотреть порнофильмы. Но когда ты это увидела, ты не смогла справиться с собой. Ты знаешь, сколько это стоит?!

– Это гадость. Грязь.

– Да, но это лучшая гадость и грязь, черт возьми! «Дебби в Далласе», «Полуночные ковбойши»... Просто не верится. Так ты заплатила мне за то, что я тебя подвез, да? – Кулаки его сжимаются.

– Хорошо, ударь меня, как настоящий мужчина – но потом выслушай меня!

– Нет, – говорит он, поднимая ботинки. – Не буду я тебя бить. Следовало бы – но я вроде как джентльмен.

Джим надевает вчерашние носки.

– Вместо этого я тебя оставлю, прямо здесь, в этом мотеле. Все, девочка, адью.

– Посмотри на телевизор. Джим, пожалуйста, посмотри.

Он снова смотрит:

– Ничего. И выключи наконец видеомагнитофон. Нет, стой – лучше я сам.

– Посмотри внимательно, – говорит Айрин, ее голос дрожит. – Ты не понимаешь?

На этот раз он пристально вглядывается в экран.

И теперь он что-то видит. Он никогда бы не заметил, если бы она ему не показала. Статика как статика – бессмысленность, шум, хаос.

Но с легким шоком понимания он осознает, что там действительно что-то видно. В кипящем море шипящих разноцветных точек какое-то подобие порядка.

Движение, форма – он почти видит их, но они остаются у самой грани понимания. От этого бросает в дрожь – ключ, который мог бы открыть новый мир, если найти правильный угол зрения, правильный фокус.

– Ничего себе, – говорит он, – в этой дыре есть спутниковое телевидение? Какая-то интерференция или что-то вроде. Чертовщина.

Айрин пристально вглядывается в экран. Страх уходит с ее лица.

– Это красиво, – говорит она.

– Какой-то странный сигнал... ты что-нибудь делала с проводами? Выключи видеомагнитофон.

– Подожди немного. Очень интересно.

Он наклоняется, отключает аппарат.

Телевизор включается в утреннее шоу, радостные широковещательные идиоты.

– Как ты это сделала? Какие кнопки ты нажимала?

– Никак, – отвечает она, – я смотрела, и все. Очень внимательно смотрела. Сначала – непонятно, но потом я это увидела!

Злость покидает Джима. Эти странные движущиеся контуры как-то сбили напряжение, лишили его сил. Он смотрит на скомканные пленки, но не может снова поймать ту внезапную ярость. Ей не следовало вмешиваться в его дела, но она не может манипулировать им. В конце концов, он, если захочет, всегда может купить еще.

– Ты не имеешь права портить мои вещи, – говорит он, но уже без былой уверенности.

– Мне плохо от них, – говорит она, смотря прямо на него холодными, голубыми глазами. – Ты не должен смотреть на шлюх.

– Это не твое... ладно, просто никогда больше так не делай. Никогда, ясно?

Она смотрит на него, глаза не движутся.

– Теперь ты меня оставляешь? Потому что я не позволила тебе, поэтому. Если бы я позволила тебе ночью, сейчас ты не был бы зол.

– Не начинай это сначала.

Джим надевает бейсбольную кепку. За ночь одна ноздря у него прочистилась. Пересохшая, ноющая – но дышащая. Маленькое чудо.

Они чистят телефоны в маленьких городках у шоссе. Белен, Бернардо, Сорокко... Правда, и последствия... Джим задал быстрый темп. Он думает о том, как заставить ее страдать. Просто высадить ее как-то недостаточно, это не вариант. Между ними идет борьба, и он не очень понимает правила.

Он не так много может сделать ей – молчание не смущает ее, пропущенного обеда она не замечает.

Он думает о сказанной ей фразе про ГУЛАГ. Джим представляет, что это такое – советский исправительный лагерь, серьезная штука. Настоящая. Он всегда ненавидел власти, но ему никогда не приходилось сидеть в тюрьме, напрямую сталкиваться с ними, идти против власти в открытую. Где-то в глубине сознания он понимает, что рано или поздно это произойдет какой-нибудь излишне внимательный клерк, хороший семьянин, уведомит полицию, вежливый инспектор с блокнотом: «Если Вас не затруднит, могу ли я взглянуть на ваше удостоверение личности, сэр?..»

А затем – допросы: «Вы действительно считаете, что мы поверим, что вы жили на доходы от ограбления телефонов-автоматов восемь лет?!»

– Прекрати!, – говорит Айрин.

– Что?

– Ты скрежещешь зубами.

– Ой.

Джим ведет машину на автопилоте, дорога под колесами как полузаметный пар. Внезапно окружающий их мир врывается в его сознание февральское небо, раскинувшаяся вокруг пустыня, указатель.

– Ух ты! – он бьет по тормозам. – Национальный Заповедник White Sands! Черт меня побери!

Он съезжает с магистрали, едет на восток по хайвею 70.

– Вайт Сэндз! Сколько лет я здесь не был! Не могу проехать мимо.

– Но ты говорил – мы едем в Эль-Пасо, – Айрин протестует.

– Ну и что? Вайт Сэндз – вне этого мира!

– Но все же ты говорил – Эль-Пасо.

– А плевать, мы можем делать все что хотим – никто не смотрит!. – Он улыбается, наслаждаясь ее растерянностью. – Вайт Сэндз – это фантастика, ты не пожалеешь об этом!

Она расстроена. Наконец произносит:

– В Вайт Сэндз – ракетный полигон.

– А, так ты уже знаешь, – говорит Джим без улыбки. – Плохо, Айрин, очень плохо. Я как раз собирался продать тебя Армии США, для тренировки в стрельбе.

– Что?

– Да, знаешь, Армия покупает русских и расставляет их на нулевой отметке. Я прикидывал – можно сделать три-четыре сотни.

Она лезет в сумочку за сигаретой.

– Очень смешно, Джим. Ха-ха-ха. Но я все равно не позволю тебе. Даже в пустыне. Где никто не смотрит.

– О Господи, расслабься, ладно? У тебя явно преувеличенное мнение о себе.

Вместо ответа Айрин выпускает дым поверх приборной панели, смотрит холодно и отстраненно.

Он давно не был в Вайт Сэндз. Гипсовые дюны, хрустальная пыль. Раньше здесь было морское дно, теперь оно само превратилось в море. Постоянные невидимые течения – слабый ветер медленно перекатывает песчаные волны.

Здесь есть жизнь – маленькие кусты и странные колючие травы, названий которых он не знает. Белое на белом на белом – а вверху – небо, облака на котором по контрасту кажутся серыми, небо, голубизна которого превратилась в цвет океана.

Джим платит за въезд. Они тихо углубляются в парк, миля за милей.

Наконец Джим глушит двигатель, выходит, хлопая дверью.

– Ты идешь?

Ему кажется, что она не сдвинется с места, будет сидеть с надутым видом. Но она выходит, обнимает себя руками. Джим запирает фургон, и они идут под пронизывающим ветром к горизонту.

Они поднимаются на дюны, Айрин со стоическим выражением идет в нескольких шагах за Джимом. Песок незаметно проникает повсюду, после мили ходьбы его по кружке в каждом ботинке.

Наконец они абсолютно одни. Никаких следов человека, ничего, кроме неба и песка. Они стоят на вершине дюны, Джим поднимает воротник кожаной куртки, Айрин приглаживает рукой волосы. Она бледна, ее куртка застегнута до горла.

– Здорово, да? – говорит Джим.

Она не отвечает.

Он поворачивается на месте, разводит руки, осматривает горизонт.

– Айрин, ты что-нибудь чувствуешь?

Она качает головой:

– Нет. Что я должна чувствовать?

– Это свобода. Именно так выглядит настоящая свобода. Никаких правил, никто не видит тебя. Нет законов, судов, добра и зла. Ничего нет, кроме тебя и меня.

– Неподходящее место для жизни. Наверное, подходящее для убийства.

– Да, лучшее стрельбище в мире. Именно поэтому Армия и использует его. Видишь тот куст?

Джим вынимает револьвер из правого ботинка, придерживает правое запястье левой рукой, медленно прицеливается.

Бам, бам, бам. Вокруг куста вырастают песчаные фонтанчики. Резкая отдача оружия, удар горячего металла о песок, чистый, как хрусталь, возбуждают Джима, как наркотик. Он улыбается и поворачивается к Айрин.

Ее револьвер был заткнут за ремень джинсов и прикрыт курткой. Сейчас он прямо напротив его груди.

Слепой восторг Джима исчезает, как сон. На его лице все еще держится глупая улыбка, в нем еще отдается смех. Он чувствует свое лицо, как маску из ощипанной куриной кожи. Он не может говорить, страх сдавил ему горло.

Настоящий страх, более настоящий, чем любое другое чувство.

Медленно, очень осторожно он опускает правую руку. Показывает на куст.

– Теперь твоя очередь, – выдавливает слова.

Айрин отводит от него дуло. Она держит револьвер в вытянутой руке, выпускает две пули, не целясь. Выстрелы оглушают его, на верхушке далекой дюны на мгновение вырастают два острых песчаных шпиля, как последние судороги подстреленного оленя.

Джим облизывает губы.

– Вот это меткость!

– Муж научил меня стрелять. Это его револьвер, он купил его. Он говорил, что ему нужно оружие для защиты от агентов КГБ. Или от американских бандитов. Пушка не помешает, так ведь?

– Да, я тоже к этому пришел.

– У тебя осталось три пули, – говорит Айрин. – У меня – только одна.

Они стоят на ветру.

– Холодно, – говорит Джим, все еще сжимая пистолет, – пойдем, что ли, в фургон?

Айрин взводит курок, проводит хромированным барабаном револьвера вдоль рукава куртки. Четкое, сухое пощелкивание фиксатора.

– Мой муж умер, – голос ее дрожит, – он совершенно не разбирался в оружии. Он не был… забыла слово… практическим?

– Практичным.

– Да. Для него револьвер был игрушкой. Для тебя тоже? Возможно, ты умрешь также, как он.

– Ты застрелила его?

– Нет. Он сам себя застрелил, когда чистил револьвер.

Без предупреждения она нажимает на спуск. Звонкий щелчок.

Айрин сжимает губы в тонкую улыбку, поднимает револьвер, аккуратно прицеливается в Джима:

– Попробовать еще раз?

– Нет. В этом нет необходимости.

– Что это значит?

Он говорит первое, что приходит в голову:

– Я не хочу, чтобы ты умерла.

Он не хочет, чтобы ОНА умерла? На редкость неподходящие слова для того, на кого нацелен револьвер. Но тем не менее в этом есть какой-то смысл.

– Я просто хочу, чтобы ты жила, – говорит он. – Мы оба. Мы будем жить, и все.

Она серьезно размышляет над этим.

– Дай мне ключи, – говорит она. – Эта пустота… хорошее место, чтобы поучиться водить машину. – Айрин слабо улыбается. – Тут я никого не задавлю. Сохраню чью-то жизнь.

Джим левой рукой выуживает ключи из кармана. Взвешивает их на ладони.

– Ты уверена, что найдешь дорогу назад одна? Тут далеко, и следов не остается. Вдобавок холодно и ветер.

В ней вспыхивает раздражение.

– Брось свой револьвер, – говорит она, мы пойдем вместе, пока я не увижу машину.

Джим подбрасывает ключи на ладони:

– Как-то это очень сложно.

– Брось револьвер.

Он поднимает левую руку, продолжая говорить:

– Знаешь, я могу бросить эти ключи. Они упадут в песок и, скорее всего, их засыплет. Ты останешься холодной ночью с запертой машиной.

– А ты будешь здесь мертвый, да? Вместо меня, как ты хотел. – Ее зубы стучат.

Джим очень плавно и медленно поднимает правую руку. Его кисть замерзла, он с трудом удерживает револьвер, ставший почти свинцовым. Отводит дуло в сторону, к пустому горизонту.

БАМ. Боковым зрением он замечает фонтанчик песка. БАМ.

Он прокручивает барабан о бедро. Колесо рулетки смерти.

– Теперь мы с тобой в одной лодке.

– Да.

– А, какого черта! – он бросает револьвер к ногам, широко разводит руки.

Объятие для ветра.

Сначала она ему не верит – смотрит, как будто это был фокус, волшебное движение – и он разнесет ее голыми руками. Он ждет.

Она, не отводя от него взгляда, бросает свой револьвер.

– Пошли, – говорит он и сбегает по склону дюны.

Она скользит следом, внизу ловит его руку. Лицо ее раскраснелось.

Внезапно он целует ее – даже не поцелуй, а быстрое, скользящее касание губ.

Приветствие – или попытка понять, на что это похоже.

– Я не хотел напугать тебя, – говорит он.

Айрин не отвечает.

– Я не сделаю тебе ничего. Я не для этого здесь.

– Да.

Солнце садится. Они замерзли и идут быстро. На мгновение ему кажется, что он потерял ориентацию, им не найти пути к фургону. Они вместе замерзнут, превратятся в мумий, медленно исчезнут под дюнами. Он ничего не говорит, плотно сжимает губы и продолжает идти.... и видит фургон.

Они залезают внутрь. Джим заводит мотор, включает печку.

– Мы можем спать сегодня в фургоне. Звезды в пустыне – это что-то.

Она протягивает руки к отверстию печки, поеживается.

– Я хочу уехать из этого места. Оно пугает меня.

– Прости, – говорит он. В его голосе все еще дрожь от удивления, что он еще жив. – Иногда меня заносит. Когда долго живешь один... и пустыня странно влияет на людей.

– Тринити, – говорит она.

– Что?

– Проект «Манхэттен». В Лос-Аламосе. Американцы, одни в пустыне...

– А. Да, мы это изобрели.

– А теперь это везде, – говорит она. И смотрит вокруг: на песках тени, как синяки. – Джим, давай уедем отсюда.

– Хорошо. – Он включает передачу.

Джим ищет их следы в лучах фар, Айрин сжалась, молчит, загнанная, ни в чем не уверенная. Они проезжают вход в парк, выезжают на асфальт. Джим давит на педаль до пола.

– Хочу добраться до Эль-Пасо. – Он вспотел, подмышки чешутся. – Мы можем поспать здесь. Хотя я могу ехать всю ночь. Представляешь себе Техас? По Техасу можно ехать всю жизнь.

Чтобы разрушить тишину, он достает кассету, смотрит на обложку. Почему-то кассета вызывает у него отвращение. Он слышал это тысячу раз, прятался в этой музыке – но сейчас это чувство просто исчезло. Как если съесть слишком много шоколада.

Джим понимает, что ему плохо. Он роняет кассету, откидывается, вцепляется в руль. Его укачало, мутно и плохо.

– Сделай мне одолжение – найди что-нибудь по радио, – говорит он.

Айрин крутит ручку настройки. Треск, далекое сдавленное бормотание, шипение космоса. Звуки хаоса.

– Хватит, – говорит он.

– Нет. Прислушайся.

– Нет! – он выключает радио. – Давай просто ехать.

Он разгоняется до 70.

– Джим, послушай!

– Что еще?

– Что-то случилось с дорогой.

– Что ты несешь? Это чертов хайвей, что с ним может случиться? – Он сжимает руль, мчится в белом потоке света.

Шорох шин исчезает. Не чувствуется тяги двигателя. Джим дважды резко нажимает на газ, мотор взревывает, как будто выключена передача. Он дергает рычаг, чувствует зацепление шестерней.

– Что за черт?

– Здесь нет дороги, – говорит она.

– Дорога должна быть! – Он давит на тормоз. – Господи, я ничего не чувствую!

– Мы летим, – говорит она.

Джим протирает запотевшее ветровое стекло. Перед ними – серость, туман, шипящие точки. Фургон – как кабина лифта, стальная коробка, скользящая в пустоте между этажами.

– Мы потерялись, – грустно говорит Айрин. – Все кончилось, ничего нет больше.

Джим снимает руки с руля. Тот сам слегка поворачивается, как стрелка компаса. Внезапно он снимает ноги с педалей, как будто они могут его укусить.

Он поворачивается к Айрин. В глазах его слезы – страх, грусть. Потеря.

– Что это за место?

Она пожимает плечами. Фатализм, следующая за отчаянием

ступень. Он понимает, что это место ему знакомо. Оно им обоим знакомо, они очень хорошо знают его. Это конечная точка их маршрута, сюда они ехали всю дорогу, всю жизнь. Это конец мира.

Он трогает оконное стекло, ручку двери.

– Не выходи, – предупреждает Айрин.

Металл дверной ручки холодом обжигает пальцы.

– Да, пожалуй, не стоит. – Он вытирает глаза под очками. – Господи, как же мне плохо.

Руль плавно поворачивается туда-сюда.

– Я открою окно, – внезапно говорит Джим, – посмотрю наружу.

– Зачем?

– Зачем? Природа у меня такая, вот зачем. – Он приоткрывает окно.

Снаружи очень плохо. Нет воздуха, нет ничего – только электрический снег статики. Стальная коробка фургона стала частью хаоса. Он поднимает затемненное стекло. Тишина.

– Что там?

– Не знаю. Непонятно. Снег. Ничего. Вообще ничего – и одновременно что-то. Понимаешь меня?

Она качает головой.

– Это конец?

– Возможно. Но мы еще движемся. – Он почесывает подбородок. – Еще живы, говорим.

Он берет ее за руку.

– Чувствуешь?

– Да.

Она что-то говорит по-русски.

– Что это?

– Пойдем назад. – Она тянет его за руку. – Пойдем назад, вместе. Я позволю тебе, Джим.

Он не понимает, почему она считает, что это может чему-то помочь. Но спрашивать тоже нет смысла. Что-то в этом есть. Терять уже точно нечего.

Они перебираются назад, раскатывают спальный мешок, снимают часть одежды, залезают внутрь. Тесно, неудобно, всюду колени и локти.

Они делают это. Не лучшим образом. Тесно, напряженно, тяжело. Они тяжело дышат, пробуют еще раз в другом положении. Получается лучше.

Они очень устали. Они засыпают.

Джим просыпается. Фургон залит солнечным светом. Он расстегивает мешок, выбирается из него, натягивает джинсы.

Айрин просыпается, у нее затекла спина, она с трудом распрямляется, приподнимается на локте.

Она растирает кожу головы, как будто та болит.

– Я пила?

– Нет. Хотя, возможно, стоило бы. – Джим ищет ботинки. – Ты когда-нибудь расслабляешься?

– Прекрати, Джим, – она раздражена, – сначала ты расслабься.

Она встает.

– У меня кружится голова.

Она находит рубашку.

Джим выглядывает наружу.

– Мы на шоссе, припаркованы.

Он открывает заднюю дверь, выходит на обочину. Сухой пустынный воздух, горизонт украшен кактусами, под ногами – старые пивные банки.

Он разводит руки, глубоко вдыхает, потягивается, хрустит позвоночником.

Он прекрасно себя чувствует.

– Похоже, мы недалеко от Эль-Пасо. – Сопит носом. – Ух ты! У меня прошла простуда!. – Барабанит по груди. – Замечательно!

Айрин вылезает, ставит прислоняется к бамперу. Смотрит вверх.

– Что это там, в небе?

– Инверсия. След от реактивного самолета.

Она протягивает его очки.

– Посмотри получше.

Джим надевает очки, смотрит в небо. Голубая чаша неба кажется поцарапанной, покрытой паутиной. Тонкие нити, капилляры.

– Черт меня побери. Никогда такого не видел.

– Кто-то едет, – говорит Айрин.

Приближается старый грузовичок. К его крыше что-то приделано – что-то ветвящееся, похожее на корневище. По мере приближения это превращается в перепутанные, сплетенные нити.

За рулем грузовичка пожилой фермер в очках и грязной шляпе. Нити приходят к нему, окружают его, как аура.

Он снижает скорость, смотрит на них настороженно. В конце концов, это пустыня. Джим кивает ему, широко улыбается, фермер машет мозолистой ладонью, слегка кивает.

Они смотрят, как он удаляется.

– Замечательно! – комментирует Джим. Колоритный старик!

– Я проголодалась! – говорит Айрин. – Хочу большой завтрак

– яичницу, гренки!

– Отличная идея. Поехали!

Они садятся, Джим заводит мотор, включает радио, пропускает сводку новостей, настраивается на бодрую аккордеонную музыку.

Их обгоняет туристический автобус. Он полон и над ним, как лес, колышутся нити – синие, зеленые, они поднимаются к небу, петляют, сверкают на солнце.

– Ты тоже видишь это? – спрашивает Джим.

Она кивает:

– Нити. Да, Джим, я вижу их.

– Просто хотел проверить. – Он потирает небритый подбородок. – Как думаешь, что это такое?

– Это – правда, – отвечает она. – Мы можем видеть правду. Так устроен мир, все взаимосвязано.

– Странно выглядит.

– Да. Но красиво.

Джим кивает. Его это не пугает. Это было вокруг них давно – просто раньше они не видели.

Айрин проводит рукой надо его головой.

– У тебя мало связей, Джим. Несколько волосков – как лысина.

Он смотрит на нее.

– У тебя тоже. Мы не включены в эту сеть, как большинство людей. Может быть, поэтому мы ее и видим – как бы смотрим со стороны.

Айрин смеется.

– Легко видеть, если ты знаешь об этом. Я чувствую это!

Он поворачивается к ней.

– Я тоже.

Что-то исходит из него, сильное и горячее. Как струя пара. Он трогает ее рукой – это как ловить луч солнца или трогать звук.

Струя движется к Айрин и переплетается со струей, исходящей от нее.

Внезапно воздух полон ею, прочные нити цвета ее глаз. На мгновение все превращается в хаос, масло в воде.

С неожиданной легкостью и грацией все успокаивается и находит свой порядок. Любовь, страх и ненависть. Власть, притяжение… Хаос исчезает, остаются новые связи – тонкие, как плохие воспоминания. Видимые только под определенным углом.

Но они чувствуют их. Связь между ними очень прочная.